

Источник: Гончарова А. А. К вопросу о структуре конфликта в повести В. Тендрякова «Весенние перевертыши» / А. А. Гончарова // Вопросы русской, советской и зарубежной литературы / Хабаров. гос. пед. ин-т. — Хабаровск, 1974. — Т. 3. — С. 99–110.

А. А. ГОНЧАРОВА

Камчатский педагогический институт

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ КОНФЛИКТА В ПОВЕСТИ В. ТЕНДРЯКОВА «ВЕСЕННИЕ ПЕРЕВЕРТЫШИ»

Искусство сильно открытиями. Писатель призван не только увидеть тип времени. На основе увиденного он создает характер, который есть уже что-то новое, открытое художником. «Художественный характер, отражая человеческие типы эпохи, возвращает их назад с «прибавлением», участвует в дальнейшем развитии человеческой личности»¹.

Творчество В. Тендрякова значительно открытым им типом человеческого характера. Герой В. Тендрякова — человек, стремящийся жить по высшим нравственным законам, жить для людей — в самом глубоком значении этих слов. Жизнь часто ставит его перед необходимостью «выбора», заставляя поступать «или-или», четко выявляя духовную сущность его, обнаруживая в нем способность или неспособность действовать «по совести». В сложных нравственных поисках находятся герои В. Тендрякова. Это относится и к Семену Тетерину из повести «Суд», и к Насте Сыроежкиной из повести «Поденка — век короткий». По-своему «прозревают» герои «Короткого замыкания». Все они открывают для себя, что живут не так, как должно, и тогда рождается естественное стремление «переделать себя», стать непримиримым ко злу. И тот действительно вызывает симпатии автора, кого голос совести заставляет жить с наибольшей отдачей.

Повесть «Весенние перевертыши» интересна прежде всего тем, что автор старается здесь углубить открытый им тип человеческого характера. Мучительно размышляющие герои Тендрякова были часто неоправданно медлительны в своей

борьбе со злом, а иногда и просто неспособны противостоять ему.

Это и дало повод критике справедливо упрекнуть их в абстрактном гуманизме. Герой повести «Весенние перевертыши» Дюшка Тягунов начинает свою сознательную жизнь с активной борьбы со злом.

В основе литературного характера лежит часто «заострение» существенного в данном типе, выделение его ведущей черты². Каждый писатель выделяет, заостряет, видимо, то, что считает главным в этом характере. Писатель выделяет в Дюшке прежде всего непреодолимое желание как можно глубже понять мир и себя в этом мире. Это здесь особенно уместно, так как новый герой В. Тендрякова — подросток, перед которым мир только что открывается, мир этот он и должен самостоятельно, без чьей-либо помощи осмыслить. Дюшка Тягунов знал, что хорошо, что плохо, потому что прожил на свете уже тринадцать лет. Хорошо — учиться на пятерки, хорошо — слушаться старших, хорошо — каждое утро делать зарядку...

Учился он так себе, старших не всегда слушался, зарядку не делал, не примерный человек — где уж! — однако таких много, себя не стыдился, а мир был прост и ясен³.

В предыдущих повестях В. Тендрякова всегда что-нибудь случалось, происходило что-то «чрезвычайное», оно нарушало налаженный, равномерный ритм жизни, обнажая скрытое, вызывая в человеке необходимость пересмотреть свою жизнь. В «Весенних перевертышах» писатель остался верен себе. Что-то произошло в Дюшкином понятном мире: «...ясный, устойчивый мир стал играть с Дюшкой в перевертыши» (с. 118). Здесь это «что-то» — повзросление человека, это само время заставляет взглянуть на знакомое другими глазами. Известно, что конфликт составляет «структурную основу литературного произведения», его ядро, сущность⁴. Глубина конфликта зависит от его жизненности, а в структуре художественного текста и от степени раскрытия характеров персонажей, которые вступают в этот конфликт или имеют к нему отношение.

В повестях В. Тендрякова, писателя по-граждански активного, конфликты всегда жизненны, злободневны, глубоки и трудно поддаются однозначному определению. Одно ясно, что конфликты эти всегда в высшей степени их заострения, когда вопрос ставится со всей категоричностью — «или-или»⁵.

В основе последней повести — становление характера

Дюшки Тягунова. Но ограничиться этим утверждением было бы явно недостаточно. Повесть эта и о поисках человеком высокой духовности, размышление о творческих возможностях человеческой личности. В. Тендряков задумывается над соотношением и связью нравственности и духовности. Писатель ведет заинтересованный разговор с каждым думающим человеком о том, что и кто мешает человеку быть счастливым. В. Тендряков отчетлив в своих оценках, активен в борьбе против зла, но рецептов счастливой жизни не дает... В одном убежден писатель (и эта убежденность присутствует во всех его произведениях), что не может быть счастлив человек, если его жизнь не выходит за рамки собственного «я», если он не захочет понять сложности мира и не станет творцом добра и красоты. Вполне естественно, что такой конфликт не может быть сведен только к столкновению двух персонажей — Дюшки и Саньки, хотя внешне именно так и обстоит дело. Но это столкновение проясняет, выявляет сущность конфликта в повести «Весенние перевертыши». В этом столкновении наиболее ярко воплощаются два взаимоисключающих взгляда на мир: один Дюшкин — глубоко творческий, высоко нравственный, полный восхищения перед миром природы и стремления познать его, другой Санькин — узкий, бездуховный, жестокий. Вражда между ними непримирима, так же как непримиримы в мире добро и зло. Не понимая еще всей глубины непримиримости с Санькой, Дюшка уже чувствует, что вместе им не ужиться, и делится этой мыслью с отцом: «Если Саньке хорошо, мне, пап, будет плохо» (с. 164). Конфликт переходит в более глубокий, внешне невидимый план, захватывая почти всех: и родителей Дюшки, родителей Миньки, учителя «Васю-в-кубе», Гринченко. Рассмотрим, как раскрывается писателем сущность столкновения между Санькой и Дюшкой.

Характер Саньки Ерахи менее раскрыт, чем Дюшки. И все же в нем умело вычленено существенное — узость взгляда на мир, бездумность. Характер Дюшки выписан более основательно. Автор показал его в процессе выработки самостоятельного взгляда на мир и окружающих людей. В. Тендрякову важно ответить на вопрос, откуда воинствующая гуманность одного и жестокость, бесчеловечность другого.

Жизнь Дюшки наполнена множеством вопросов, которые нужно немедленно разрешить. В его душе — борьба противоречивых чувств, ощущений, желаний. Человек становится личностью, гражданином. Но особенно явственно борются два

желания — «быть таким, как все» и «быть самим собой». «Господи! Как плохо быть не таким, как все. Как плохо и как страшно! Одна надежда, что проснешься в одно прекрасное утро и почувствуешь — все прошло: на Римку не хочется глядеть, улица снова кажется обычной улицей и к Саньке Ерахе нет выворачивающей душу ненависти...» (с. 136). Но быть таким, как все, оказывается вовсе недостаточным для Дюшки. Напряженная внутренняя работа приводит его к собственному взгляду на мир, а это незамедлительно сказалось и на его поступках. И чем сильнее и глубже эта внутренняя работа, тем больше возможностей ее внешнего проявления — в поступках и действиях героя. Писатель исследует истоки гуманности, ее начало в характере подростка. Он выделяет в Дюшке потребность понять всех, кто его окружает, понять все, с чем ему приходится сталкиваться ежедневно. Художник ставит почти в прямую зависимость пробуждение в человеке потребности осмыслить себя и мир, сложность связей между живой и неживой природой с гуманными действиями героя. «Самый сильный из мальчишек в поселке Куделино», Санька Ераха всегда придумывал странные игры: бросать кошку о землю, есть живых пескарей, бить о стену живых лягушек. Никто не смел ему перечить, и вольно или невольно мальчишки участвовали в жестоких играх, не вдумываясь в их смысл. Дюшка первый понял, что это жестоко, и бросил в «нечистые зеленые глаза: «Скотина, палач!» Первый из мальчишек он заступает за слабого Миньку, которого Санька насильно заставляет убивать лягушек. С яростью Дюшка выкрикивает: «Не тронь человека!» Но Минька испугался этой защиты и не осмелился выйти из игры. С психологической убедительностью передает автор далее смятение чувства Дюшки, его горе: «Хотелось плакать, но не от страха перед Санькой и уж не от жалости к Миньке — так ему и надо! — от непонятного. Сегодня с ним что-то случилось» (с. 124). В. Тендряков показывает, что «хрупкому разуму» подростка доступны сложные явления мира. Писатель прослеживает, как постепенно накапливает Дюшка знания о мире. Мыслительная работа, которая заполняет теперь все существо Дюшки, так что жизнь кажется ему «узкой» и «тесной», ведет к накоплению нравственной силы, убежденность в том, что все в мире взаимосвязано, приводит Дюшку к гуманному и верному выводу: человек должен оберегать все живое и неживое, охранять тот мир, в котором он живет. Работающая в нравственном направлении мысль порождает активные дей-

ствия героя. И как результат — открытое, неизбежное столкновение Дюшки и Саньки, двух антиподов в нравственном отношении. Но прежде чем произойти этому столкновению, Дюшка пытался разобраться, за что же он так ненавидит Саньку. «...Он Саньку ненавидит не только за то, что тот отравляет жизнь, заставляет носить с собой кирпич. Ненавидит, что Саньке нравится мучить кошек, убивать лягушек. Казалось бы, тебе-то какое дело — пусть, коли нравится. Нет, ненавидит Санькины привычки, Санькины выкаченные глаза, Санькин нос, Санькино плоское лицо, ненавидит просто за то, что он такой есть» (с. 130). Дюшка защищает от Саньки тот мир, который только что открыл для себя. И этот мир он готов отстаивать во что бы то ни стало. Дюшка бросается на Саньку в весеннем школьном дворе. И это не обычная мальчишеская потасовка, для Дюшки — это открытый бой за все живое на земле.

Произведения, отличающиеся вниманием к проблемам и конфликтам нравственным, должны утверждать единство нравственного и социального, а не вычленять нравственное начало. Только тогда нравственные конфликты будут глубоко раскрыты и правильно поняты. Дюшка Тягунов не выделен писателем из большого социального мира. Непримиримость ко злу и жестокости социально обусловлена, и истоки ее в самой жизни советских людей. Самые близкие Дюшке люди — отец и мать живут в заботах о своем деле, совершенно не разделяя жизнь личную и работу. Кипит жизнь вокруг Дюшки: большой кран, который возвышается над поселком Куделино — «брат» и «друг» его — воплощение творческой силы человека, да и сам поселок с лесоперевалочной базой и целым городом из стронтового леса вырос на глазах мальчика; каждый день тяжелые лесовозы пробиваются «из соседних лесопунктов по размытым дорогам, тащат на себе свежие, налитые соком еловые и сосновые кряжи. Они привезли из леса вместе с бревнами запах смолы, запах чужих далей, запах свободы» (с. 124).

Важнейшая проблема жизни и искусства — соотношение в человеке личного и общественного — получает в повести своеобразное преломление. «Зачем любить все человечество, соседа полюбить сумей», — пишет поэт Кайсын Кулнев. Глубоко верная мысль. Дюшка вырабатывает в себе эту «конкретность» любви и ненависти. Когда он узнает, что Миньке одиноко, плохо дома, он тут же горячо предлагает свою помощь: «Я тебе помогу, чем хочешь! Честное слово не вру! Ты

лучше всех ребят...» (с. 139). Каждый персонаж повести раскрыт в зависимости от его функции в конфликте. Всех волнует вопрос о том, как он живет. В этой связи становится понятной и вполне уместной насыщенность повести спорами о счастье, о смысле жизни, о назначении человека на земле. Среди прочих персонажей особенно выделяются в этом плане две супружеские пары — Тягуновы и Богатовы, родители Дюшки и Миньки. В поселке Куделино все знают инженера «по механической выгрузке леса» Федора Тягунова: «...его побаиваются, его уважают, в нем постоянно нуждаются, все время ищут: «Был здесь, куда-то ушел». Он заседает, командует, хвалит, отчаивается, обещает надбавки: Федор Тягунов-старший — «человек, распахнутый для всех» (с. 132). Инженер Тягунов — современный человек, весь воплощение деловитости и энергии. Он так отдался своему делу, что не видит вокруг себя конкретных людей, не способен вникнуть в жизнь других, даже самых близких. Хотя отношение к труду и является мерилom нравственности, но все же нравственное содержание личности только этим не исчерпывается. Вслушаемся в его слова: «Меня лично смерть не пугает! Сколько мне там отпущено природой — шестьдесят, семьдесят, больше лет? Они для меня только и важны. Уж их-то я постараюсь использовать. Я за свое время успею наследить на земле. А смерть придет — что ж... потусторонним спасать себя не стану... Да! Жизнью мне выпавшей счастлив» (с. 147). Отец Дюшки в оценке автора — «сам себе бог», и это не может не сказаться на его отношении к людям. «Перекошенный человек, недоразумение», — отзывается он о неудачнике Никите Богатове. Дюшкин отец в определенной степени прав, так оценивая Богатова, жизнь которого ограничена затянувшимися поисками своего «я». Но по причине душевной «узости» он совершенно не способен принять и понять вообще поиски человеком своего назначения, своего «я», как что-то важное и необходимое как человеку, так и обществу. По сути дела он противник творческого подхода к жизни, он отнимает у человека право «иметь свое лицо». Это ярко проявляется в его разговорах с сыном. Отец обнаруживает полное непонимание поисков сына, его тревоги по поводу жестокости Саньки. В конечном итоге именно сын влияет на отца в нравственном отношении. Под влиянием Дюшки отец начинает понимать, что тоже в ответе за жестокость Саньки Ерахы. Тягунов-старший почувствовал вдруг, что «просмотрели человека» (Никиту Богатова), и не снимает с себя вины (хотя

здесь его вина минимальна): «Виноваты — мимо глядели. Увидели, теперь возьмемся. Я возьмусь! Я из тебя человека сделаю!» (с. 167). Совершенно искренне хочет помочь он Никите Богатову, но вот помочь-то он и не может. Чтобы помочь человеку, надо его понять, суметь вникнуть в его искания и намерения. «Мне крановщики нужны. Работа непростая, но платят прилично. Учиться тебя пошлю на курсы, три месяца — и лезь в будку. А то ходишь, шариишь, себя нищешь» (с. 167), — решительно заявляет Федор Тягунов. Дюшка слышит этот разговор, и ему приходят на память слова матери: «Наш отец любит ковать счастье несчастным на их головах. Не заметит, как человека в землю вобьет от усердия» (с. 167). Отношение автора к Тягунову-старшему откровенно проницано: «Отец все-таки хотел сделать несчастного Никиту Богатова счастливым — сразу, не сходя с места» (с. 167).

Авторское отношение вполне определенно и к Никите Богатову. Каждый человек имеет право на поиски своего места в жизни, на то, чтобы полностью воплотить себя в любимом деле, но эти поиски не должны переходить определенной черты, когда начинается уже просто рефлексирование, душевная слабость, оправдание пассивности и бездеятельности. Никита Богатов не принимает зла — это он «прикрывал Дюшку сутуловатой спиной, отталкивал Саньку» (с. 154). Он негодует по поводу Санькиной жестокости. Но доброта его абстрактна, бороться против зла он не способен, и сам понимает это: «Эх, бить людей не умею, а стоило бы» (с. 145). Его абстрактная доброта не менее вредна, чем зло Саньки Ерахи. По-мальчишески наивно, но по сути очень верно рассуждает об этом его сын Минька: «Он добрый, а плохой» (с. 139). Никита Богатов убежден, что человек рожден для великого, а лично его назначение — «глаголом жечь сердца людей». Очень долго он верил, что напишет стихи, от которых содрогнется мир. Но шли годы, убежденность эта пропадала, а он продолжал прятаться в свою мечту, прятаться за маску «непонятого гения». Потребовался трагический случай, чтобы он наконец понял и мог честно признаться самому себе: «...прячусь от правды — бездарь, ничтожество, этакий литературный наркоман. Хватит!» (с. 168). Никита Богатов отвергает «маленькое счастье», «тихие радости», признавая жизнь осмысленную, с большой гуманной целью. Но сам он, ожидая своего «звездного часа», уходит от бурной, кипучей жизни нашей, влача жалкое существование неудачника. Он

не увидел великого в малом, в повседневном. Неизвестно, как дальше сложится его жизнь, но совершенно очевидно, что, сказав себе «хватит», он не сможет жить так, как жил прежде.

Дюшка преподносит урок настоящей гуманности взрослым, урок нравственного поведения. Его возмущает, что взрослые, и особенно отец, явно проходят мимо зла. Ему кажется, что взрослым все окружающее просто и понятно, а за этой простотой они проглядели сложность. Своими поступками Дюшка пробуждает в окружающих желание пересмотреть свое отношение к людям. В этом плане особенно интересны два диалога сына с отцом. Когда впервые Дюшка делится с ним своей тревогой по поводу Санькиной жестокости, отец не вникает в его переживания, оскорбляя сына своим равнодушием и непониманием. И только после того, когда сбылись предсказания Дюшки — Санька действительно оказался способным броситься с ножом на человека, — Тягунов-старший начинает серьезно задумываться над причиной его зла, жестокости: «Почему, почему он ненормальный такой?» (с. 163). Дюшка объясняет это по-детски просто: «Такой родился» (там же). Отец понимает, что это гораздо сложнее.

Активное добро Дюшки дает свои плоды. Слабый, беззащитный Минька проявляет настоящее геройство: в критическую минуту, забыв о страхе перед Санькой, он бросается на защиту друга, рассказывая правду о причине драки. В нем тоже обостряется чувство справедливости и правды.

Отец Дюшки «прозревает» по-своему и не без влияния сына. Он понял, что тоже в ответе за жестокость Саньки. Писатель показывает, что зло Саньки от его бездуховности, ограниченности, узости взгляда на мир. А бездуховность чаще всего оказывается причиной жестокости. Учить человека думать, творчески постигать мир, сложность человеческих отношений — не есть ли одна из главных задач нашего времени.

Писатель вновь и вновь проводит эту мысль в своих произведениях. Ею заполнен и очерк «Новый час древнего Самарканда»⁶, написанный почти в одно время с повестью «Весенние перевертыши». В. Тендряков рассказывает в нем о людях Самарканда, о том внешне незначительном новом, что сами они вносят в жизнь. В начале очерка В. Тендряков приводит реакционное высказывание философа Бен-Сира: «Простой труженик не способен мыслить, его грубая натура не создана для больших государственных дел» (с. 747). Справедливо опровергая его, писатель ссылается на самое реше-

тельное в этом отношении высказывание В. И. Ленина о том, что «каждая кухарка должна уметь управлять государством». Писатель приводит примеры, казалось бы, незначительных начинаний в одном из районов Самаркандской области. Он рассуждает о том, как сделать, чтобы каждый труженик вникал в то, что и как он делает» (с. 751). В одном из колхозов Самаркандской области заведен журнал выработки и заработка колхозников. «Колхозник в любое время может подойти и увидеть... свой рабочий портрет, выраженный в человеко-днях, в рублях и копейках. Свой портрет и портрет своих товарищей... Здесь экономические показатели касаются не хозяйства, а лишь тебя самого. Нельзя понять себя, не поняв других. Ты сравниваешь себя с другими, ты оцениваешь себя на общем фоне, смотришь на себя как бы со стороны. Познай самого себя. Воистину так. Волей-неволей ты совершенствуешься как личность» (с. 751). Старая и одновременно современная проблема — «понять человека» — оказывается далеко не абстрактной. «Наверное, истинное внимание к человеку — это стремление понять, что он такое, чем живет, на что способен, какие нужды и запросы у этого конкретного человека имеются. Наивысший гуманизм состоит в том, чтобы помочь другому стать лучше, выше, нравственнее» (с. 772).

Существует глубинная связь между этими разными по содержанию и по жанру произведениями: они пронизаны гуманистической мыслью о богатых возможностях человека, которые не всегда еще находят воплощение в делах и поступках. Автор убежден, что каждый человек отвечает за все, что делается вокруг него. Именно так поступает Дюшка. Наивысший гуманизм Дюшки и делает его героем нашего времени, своеобразным и убедительным воплощением человека современного, советского человека. «Антипод» Дюшки — Санька Ераха не дошел до понимания сложности мира, связи всего живого и неживого, в нем нет потребности оберегать мир, в котором ему суждено расти. Саньке невдомек, что человек — частица этого мира и в то же время творец, а не разрушитель. Дюшке это непонимание мира Санькой кажется странным: «...в его ли мире живет Санька? Он же знать не знает, что бледные звезды над головой — далекие солнца с планетами, для него нет бесконечной вселенной, не подозревает, что лягушка может заставить человека носить кирпич в школьном портфеле. Санька живет рядом с Дюшкой, но вокруг Саньки все не так, как вокруг Дюшки — другой мир,

нисколько не похожий» (с. 144). Почему мир Саньки так ограничен? Почему этот человек так духовно убог? Почему он не видит всей сложности мира, какую обнаруживает Дюшка? Ответить на эти вопросы очень непросто, и автор не идет по легкому пути. Писатель видит причину жестокости Саньки в его бездуховности. Он убежден, что человек, стоящий на низком уровне духовного развития, способен на самые антигуманные поступки. Любящий мучить и убивать живое (пока кошек, лягушек) способен на самое страшное — на убийство человека. В повести чувствуется некоторая заданность — все повествование направлено к подтверждению этой мысли. Действительно, Санька, убивавший лягушек, бросается с ножом на Миньку. Структура повествования этого произведения отвечает жанровому своеобразию повести с нравственным конфликтом в центре, но в ней достаточно отчетливо тяготение к жанру повести-притчи. Это связывает новую повесть В. Тендрякова с жанровыми исканиями в современном литературном процессе (в творчестве Ч. Айтматова, В. Быкова). Конфликт ярко проявляет себя не только в противоборстве Саньки с Дюшкой (открытые столкновения — драки), но также и во внутренних монологах Дюшки, способного анализировать свои поступки и поступки Саньки. С психологической убедительностью раскрывает писатель борьбу чувств в душе героя, его желание все решить самому, все понять без чьей-либо помощи. Но слишком сложные вопросы выдвигает перед ним жизнь, требуя немедленного решения... Тут часто на «помощь» приходит автор, в рассуждениях героя вполне отчетливо начинает звучать его «проясняющийся» голос. В этом случае повествование представляет собою несобственно-прямую речь, поэтому некоторые взрослые суждения героя можно отнести на счет автора. Неоднократно можно наблюдать, как внутренний монолог героя, представляющий прямую внутреннюю речь, переходит сначала в несобственно-прямую речь, в которой сливаются «голос» героя и «голос» автора, и дальше в авторское повествование, где часто появляется своеобразное углубление рассуждений героя, а иногда и вывод автора. Вот Дюшка, пораженный первым чувством, не понимающий, что с ним происходит, мучается вопросами: «Что? Кого спросить? Нет, нет! Нельзя. Ни отцу, ни матери, если только большому крану...» (с. 134). Далее ясно слышится авторский «голос»: «И Дюшка почувствовал вокруг себя пустоту — не на кого опереться, не за что ухватиться; живи сам, как можешь. Как можешь?.. Земля кажется шаткой».

Автор заканчивает повествование словами о сложности человеческих отношений: «Откуда знать мальчишке, что вместе с любовью приходит и ненависть, вместе с неистовым желанием братства — горькое чувство одиночества. Об этом часто не догадываются и взрослые» (с. 124).

В своих суждениях В. Тендряков идет от жизни, справедливо связывая духовность человека с его нравственностью. И эта одержимая убежденность писателя заставляет его иногда толковать некоторые поступки героев слишком широко, и даже не столько поступки, сколько различного рода ситуации и картины. Некоторые суждения автора приобретают оттенок назидательности, в повести явственно звучат притчевые интонации: зло порождает зло, зло и добро не уживаются, не должны уживаться, хотя идут почти всегда рядом. С этим связано в повести очень подробное, даже несколько нарочитое описание лягушечьего болота, где кипит своя жизнь. «Кричат лягушки, крик слепых, не видящих, не слышащих, не знающих ничего, кроме себя» (с. 124). (Выделено мною — А. Г.). Эта фраза, несколько, правда, укороченная, повторяется еще раз, вырастая до обобщения. Мир человека и природы един, но человеку, как существу высшему и даже великому, недостаточно понимать, знать только себя (хотя и это уже немало). Не покорность, а борьба за улучшение жизни, мира, себя — вот назначение человека.

Конфликт в повести «Весенние перевертыши», как уже отмечалось, имеет несколько «планов». Но все эти «планы» конфликта в конечном итоге сводятся к борьбе за человека, духовно богатого, активного, нравственного. Как и в других произведениях В. Тендрякова, здесь внешне конфликт разрешен, но повесть, заканчиваясь, требует продолжения. Уже в названии повести подчеркнута сложность окружающего мира и взаимоотношений его с миром человека. Сложный мир бытия способен «переворачиваться», представляя перед человеком новыми, ранее скрытыми сторонами. Но мир «переворачивается» не перед каждым, далеко не каждому дано одухотворять обычное, переступать сложившиеся схемы и представления, самостоятельно постигать суть явлений. И повесть построена таким образом, что читатель приходит к выводу: острота ощущения мира, неуспокоенность духа, поиски нового, пока еще скрытого, должны отличать современного советского человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ С. Г. Бочаров. Характеры и обстоятельства. Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. М., Изд-во АН СССР, 1962, с. 317.

² См. об этом: И. Драгомирецкая. Характер в художественной литературе. — В кн.: Проблемы теории литературы. М., Изд-во АН СССР, 1958, с. 100—120.

³ В. Ф. Тендряков. Весенние перевертыши. — «Новый мир», 1973, № 1, с. 124—172. В дальнейшем ссылки даются в тексте с указанием страницы.

⁴ См. подробнее: М. Б. Храпченко. Типологическое изучение литературы. — В кн.: Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М., «Сов. писатель», 1972, с. 257—270.

⁵ Г. Радов. В. Ф. Тендряков (К 50-летию со дня рождения). — «Лит. газета», 1973, 17 декабря, с. 3.

⁶ В. Тендряков. Новый час древнего Самарканда. В кн.: В. Тендряков. Избранное. М., «Известия», 1973, с. 742—780. В дальнейшем все ссылки на это издание даются с указанием страницы.